

От автора

Поскольку это моя вторая книга о Бортнянском — так сказать, ремикс с интервалом в тридцать пять лет, — то естественно было бы оглянуться на ту давнишнюю, первую работу. Представим себе ее контекст, и прежде всего условия, в которых находилась тогда музыка композитора. В конце 1970-х она едва начинала звучать. Над именем Бортнянского как крупнейшего творца духовного репертуара еще нависала тень цензурных запретов (хотя и значительно ослабленных), а его репутацию омрачали обвинения в «итальянщине». Моя же первая книга о нем была очень скромной по объему: ни ее герою, ни мне тогда большего не полагалось, да и материала на тот момент у меня было немного. К тому же в издании не удалось дать нотные примеры, чтобы не отпугивать широкого читателя, а вынужденное (по цензурным соображениям) отсутствие названий духовных сочинений Бортнянского в списке его композиций было прикрито фиговым листком номера и тональности.

Сегодня картина совершенно иная. Бортнянский в России звучит много, он сделался неотъемлемой частью живой музыкальной культуры, а его творчество всесторонне исследуется. В концертную практику введены ранее неизвестные или найденные сочинения, существенно продвинулась каталогизация архивов, неизмеримо расширился международный обмен информацией. Великолепную основу для изучения произведений Бортнянского создала Н. А. Рыжкова, составившая сводный каталог их прижизненных изданий. Ей, а также П. Г. Сербину, чьи познания о Бортнянском можно назвать живой энциклопедией, я очень благодарна за постоянную товарищескую поддержку и обмен сведениями, без чего эта книга не могла бы выйти. Много нового в творчестве композитора нашли также М. П. Пряшникова, Г. М. Малинина, А. В. Лебедева-Емелина и другие ученые. О том, как динамичны исследования по Бортнянскому, говорит следующий факт: за считанные часы до подписания этой книги в печать мне прислал новые сведения А. В. Смирнов, альбом которого «Д. С. Бортнянский в мировом изобразительном искусстве XVIII–XXI веков» (М.: Белый Город, 2014) уже выходит в свет. Благодарю коллегу за помощь.

Не мне судить, каков был вклад моей первой книги в развитие образа Бортнянского в современной русской культуре,

но надеюсь, что и она, наряду с деятельностью других музыковедов, редакторов-текстологов и музыкантов-исполнителей, стимулировала интерес к его личности и музыке. Во всяком случае, текст той работы стал общественным достоянием, и я его нередко узнаю во всевозможных буклетах, рефератах, аннотациях, а то и в статьях. Сейчас, когда многие его фрагменты вновь появятся под именем первоначального автора в этой старой-новой книге, у кого-то могут возникнуть конфузные моменты. Ну что ж, бывает...

Неожиданным следствием первой версии монографии стало возникновение семейной традиции в изучении Бортнянского. Причем эстафету подхватило не младшее поколение семьи, а старшее: мой отец, Григорий Вольфович Цывкин, к музыке отношения не имеющий, так увлекся этой темой, что посвятил годы интенсивнейшим архивным поискам. Пересмотрев сотни тысяч страниц в архивах Придворной конторы, исповедных и метрических книгах Петербурга и многочисленных других фондах, он «намыл» драгоценнейшие крупы фактического материала. В основном это касается завершающего периода жизни и деятельности Бортнянского, когда он руководил Придворной певческой капеллой. Только настойчивое желание отца скромно оставаться в роли помощника препятствовало тому, чтобы эта книга вышла под двумя нашими именами.

В монографию вложен и немалый труд моих редакторов. Первым из них была М. А. Элик, в свое время горячо поддержавшая мой авторский энтузиазм и внесшая большой вклад в воплощение замысла. Ее светлый образ встает передо мной, когда я листаю страницы первой книги. Второму редактору — А. В. Вульфсону — досталась во многом другая, изрядно потучневшая рукопись, в подготовке которой потребовался его острый критический подход к структуре, скрупулезность в отношении источников и творческая работа над стилем. За его огромный труд, мастерство и талант — особое спасибо.

С Бортнянским меня связывает вся моя музыковедческая жизнь, начиная с консерваторской дипломной работы, тему которой предложил мой руководитель Сергей Михайлович Слонимский. И ту, и каждую новую работу я считала последней, но почему-то за ней шла другая — и так всю жизнь. Вот и сейчас мне кажется, что круг наконец замкнулся. Но кто знает?..